

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА МИРА

УДК 811.111:801

В. БРЮСОВ И ВОЙНА (КРИТИКА, ПОЭЗИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА)

© Анатолий Иванович ИВАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики и издательского дела,
e-mail: ivanov_ai@bk.ru

Объектом исследовательского внимания стали поэтические отклики В. Брюсова на Русско-японскую войну и его критические отзывы о военной поэзии 1904–1905 гг. Анализируются и особенности восприятия Первой мировой войны в стихах и военных корреспонденциях В. Брюсова. Такое единовременное обращение к В. Брюсову – литературному критику, поэту, военному журналисту – предпринято по нескольким причинам.

Во-первых, творчество В. Брюсова дает основания судить о войне не только как о конкретном историческом событии, но и как о сложном, многомерном явлении в духовной жизни общества. В этом смысле В. Брюсов опирался на опыт своих предшественников – осмысление войны, характерное для публицистики Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В. Соловьева.

Во-вторых, суждения об отношении В. Брюсова к войне основываются не на каком-нибудь одном единичном высказывании, стихотворении, очерке, а на всем корпусе его «военных» произведений. Это позволяет выделить индивидуальное, собственно брюсовское видение, чувствование войны. Отношение того или иного литератора, журналиста к Русско-японской и Первой мировой войнам в истории отечественной литературы и журналистики зачастую оценивалось лишь по тому, насколько тесно поражение царского правительства связывалось с революциями 1905 и 1917 гг. Что касается эстетической стороны, то поэтические образы, язык публицистики того же В. Брюсова оставались вне поля зрения. Таким образом, его «военное» творчество становится частью такой большой сферы как «Художник и война».

И, наконец, в-третьих. Исследование творческой индивидуальности в поэзии, критике, публицистике В. Брюсова о двух войнах дает возможность увидеть и общее, характерное в гражданской позиции русской художественной интеллигенции начала XX столетия. Это гуманизм, сострадание, сочувствие воюющим. Это всеобщая эйфория в начале войны и угасание интереса в связи с неудачами. Это и желание поражения царскому правительству и надежды на обновление России.

Ключевые слова: Русско-японская война; Первая мировая война; военная поэзия и журналистика В. Брюсова; гражданская позиция художника; эстетика творчества о войне.

Проблема «В. Брюсов и война» интересна по нескольким причинам. На Русско-японскую и Первую мировую войну он откликнулся стихами и критическими статьями о военной поэзии; с августа 1914 г. до мая 1915 г. был военным корреспондентом крупнейшей газеты России «Русские ведомости». Между тем исследователей творчества В. Брюсова привлекала внимание в основном гражданская позиция поэта. Обращение к брюсовскому творчеству о войне дает возможность выявить не только индивидуальное в творчестве В. Брюсова – литературного критика, поэта и военного корреспондента,

но и характерные черты русской «военной» литературы начала XX в.

I

Об отношении В. Брюсова к Русско-японской войне в советском литературоведении на долгие годы закрепились суждения, суть которых можно представить, обратившись, например, к вступительной статье А. Мясникова в двухтомном сборнике избранных произведений В. Брюсова. В ней выражена наиболее типичная характеристика Брюсова – *гражданина и поэта*. Поэтому мы

вынуждены представить эту точку зрения с минимальными купюрами, не искажающими общий смысл. А. Мясников, в частности, сказал, что позиция В. Брюсова не была *последовательной*: «В первый период войны его стихи почти не отличаются от официальной шовинистической поэзии. Во второй период, когда все яснее становилось, что русское самодержавие проигрывает войну, стихи В. Брюсова исполнены презрения к бездарному царскому командованию и боли за позор родной страны».

Вместе с тем, А. Мясников вполне справедливо заметил, что в стихах В. Брюсова о войне «читатель не находил ни образов воинов, ни описаний сражений, ни изображения тех мест, где велась война». На наш взгляд, читатель и не должен был ожидать конкретности от поэта, не бывавшего во время войны на Дальнем Востоке. И далее читаем: «Брюсов изображает войну в отвлеченных и грандиозных образах. Так, например, в стихотворении «К Тихому океану» поэт дает образы двух великанов – России и Тихого океана. Они тянутся друг к другу, ибо оба полны сил и величия. <...> В стихотворении «Война» поэт персонифицирует образ войны, называя ее дочерью таких же персонифицированных отвлеченных понятий – Силы и Раздора. Война с детства воспитывалась среди зверей и с молоком их всосала жажду крови. Поэт воспроизводит страшный облик войны. <...>

В декабре 1904 г. В. Брюсов пишет *страстное, но ошибочное по своей идее* стихотворение «К согражданам» (курсив мой. – А. И.). Поэт призывает прекратить перед лицом врага политическую борьбу внутри страны, ему кажется, что это поможет победе. В свое стихотворение он вводит, кроме общеупотребительных слов, ряд образов античного мира, библейские образы, образы отвлеченной патетики, слова газетно-публицистического стиля, стремясь разнообразными художественными средствами усилить впечатление.

Совершенно иным духом и тоном, – говорится в статье, – проникнуты стихотворения В. Брюсова, написанные в период поражения царской армии. Стихотворение «Цусима», например, полно искренней печали, прекрасны строки о флоте, погибшем в героической борьбе, образ скорбящего поэта,

который выражает мысли и чувства многих русских людей, горестный и величавый образ России, рыдающей над тяжелой утратой. <...> Поэт упрекает тех, кто руководил этой войной, в трусости, в уступчивости, в изменах. <...> Еще раньше, когда стало известно о падении Порт-Артура, В. Брюсов писал, что со времен битвы на Калке Россия не знала более тяжелого поражения.

Так, крушение царизма в русско-японской войне подводило В. Брюсова к более ясному представлению о закономерности развертывающейся в России революции» [1, с. 13-15].

В подробно процитированной нами статье на первом месте – неизбежное для работ о литературе времен Русско-японской и Первой мировой войн сопоставление позиции того или иного писателя с политикой правительства или противостоявших ему большевиков. Сдержанность замечания об ошибочности взглядов поэта объясняется, скорее всего, местом В. Брюсова в последующей советской литературе. «Правильность» отношения к русско-японской войне В. Брюсова, да и других поэтов, зачастую определялась тем, насколько тесно поражение царского правительства в Русско-японской войне было связано с революцией 1905 г. Что касается эстетической стороны его военной поэзии, то в статье справедливо отмечены отвлеченно-абстрактные образы и выражение настроения в стихотворении «Цусима».

В 1970-е гг. поэт П. Антокольский почти «оправдал» *непоследовательность поэта* В. Брюсова в период Русско-японской войны и Первой русской революции:

«В своих гражданско-политических и общественных устремлениях и взглядах Валерий В. Брюсов был так же непоследователен, как это он сам декларировал хотя бы в отношении «Господа и Дьявола». Всюду и везде он резервировал для себя и тщательно отстаивал свободу художника – вольного, никому ни в чем не обязанного мастера-одиночки: «Всему будь холодный свидетель». Позой ли это было, таким ли был поэт на самом деле или только стремился к некоему *холодному* идеалу, – в сущности, неважно, но свобода выбора оставалась за ним. «Я изменял и многому и многим» – это было сказано с обычной для В. Брюсова дерзкой уверенностью в своей правоте, в своем праве

на измену. И в то же время самыми сильными и яркими по мысли и по ее выражению в стихах были его выступления на современные и гражданские темы. Как всякий искренний художник, Брюсов действительно *оживал и хорошел* от соприкосновения с жизненной темой!» [2, с. 21].

В высказывании П. Антокольского привлекательна мысль о праве поэта на свободу в гражданско-политических взглядах. Как бы банально сейчас ни звучала эта мысль, но многие десятилетия в литературоведении XX в. суждения поэтов приравнивали, сопоставляли с суждениями политиков, дипломатов, историков. Поэтому и не было увидено в откликах В. Брюсова на Русско-японскую войну собственно поэтическое, например, *провиденциальное* начало.

Пророчество стихов В. Брюсова о Русско-японской войне не было замечено и во время Первой мировой войны. А какая-то закономерная связь между двумя войнами была. Думается, не случайно в годы Второй Отечественной (так именовали в первые месяцы мировую войну) другой поэт – В. Хлебников – колдовал над датами крупнейших событий Русско-японской войны, чтобы в ее цифрах предугадать какие-либо закономерности в судьбе России.

Стихотворение В. Брюсова «На новый 1905 год» завершается такими словами:

*И в упоении и в страхе
Мы, современники, следим,
Как вьется кость, в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым* [3, с. 425].

Мало кто из современников В. Брюсова предполагал, что «маленькая победоносная война» с Японией, как и Первая мировая, станут поистине роковыми для страны. Русско-японская окончится революцией 1905 г., а в результате Первой мировой не станет прежней России. Характерно, что каждая из них начиналась грандиозными геополитическими устремлениями. В 1904 г. Россию видели владычицей на Дальнем Востоке, а в 1914 г. Москва должна была стать Третьим Римом. Завершая стихотворение «Цусима» (1905), В. Брюсов сказал:

*И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец, –*

*И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!*

В стихотворении «К согражданам» (декабрь 1904) позиция поэта, выраженная словами: *Но в час сражений, в ратном строе, / Все – с грудью грудь! и тот не прав, / Кто назначенье мировое / Продать способен, как Исав!* расценивалась как ошибочная. Ошибочной она представлялась с точки зрения большевиков, боровшихся с правительством. В. Брюсов считал по-иному, полагая, что во время войны народу и правительству надлежит быть заодно. Во время Первой мировой войны вопрос о позиции гражданской, патриотической в *воюющей стране* станет для поэтов предметом спора с большевиками, снова стремившимся к поражению «своего правительства». Особенно ожесточенным этот спор станет, когда будет решаться вопрос об окончании войны. Время показало, к чему привела победа большевиков в этом споре, и кто повторил поступок Исава.

II

Через пять лет после окончания для России Первой мировой войны В. Брюсов дал общую характеристику поэзии периода 1914–1917 гг. Эта оценка, несколько скорректированная идеологией времени, прозвучала в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922), в которой он писал:

«Большинство поэтов наперебой бросились писать патриотические и военные стихи. «Спрос» на такого рода произведения (со стороны не только бульварных еженедельников, но и серьезных «толстых» журналов) родил избыток «предложения». Эти батальные, славянофильские и – увы! – нередко ультрамонархические стихотворения изготовлялись в громадном большинстве по определенным, раз навсегда установленным рецептам. При сочинении таких стихов поэты забывали все традиции и заветы своей «школы», и часто трудно было отличить в очередной стихотворной поставке на нужды данного издания бывшего футуриста от бывшего символиста или бывшего реалиста. Все становилось на одно лицо, во мгле порохового дыма (конечно, только словесного) «все кошки делались серы». Чисто художественные задачи вовсе не имелись в виду, отходили на последний план. <...> И такие

произведения насчитывались тысячами, временно заслонив подлинную поэзию, которая, конечно, продолжала жить, но о которой как-то позабыли и читатели, и критика.

Затяжка войны привела в области поэзии к некоторому отрезвлению. В 1916 г. литературное небо прояснилось, стали вновь появляться книги стихов, привлекавшие внимание разрешением художественных заданий (таковы, например, «Оксана» Н. Асеева, «Простое, как мычание» В. Маяковского, «Поэзия Армении», «Альманах Муз», последовавший вскоре сборник «Поверх барьеров» Б. Пастернака и др.). Но быстро надвигались сначала черные месяцы начала 1917 г., когда русскому слову стало «не до стихов» (выражение Ф. Тютчева), потом – две революции со всеми их неизбежными, но тяжелыми следствиями для внешних проявлений поэтической жизни» [4, с. 477]. Отметим, что к числу «художественных заданий» войны В. Брюсов по праву причислил и свои переводы армянской поэзии, составившие сборник «Поэзия Армении», который получил высокую оценку современников.

О восприятии Первой мировой войны В. Брюсовым сказано немало. В настоящее время прояснена его гражданская позиция, сняты обвинения поэта в национализме и «сверхинтернационализме» [5, с. 171-188]. Считаем необходимым добавить следующее. Одна из проблем гражданской поэзии В. Брюсова военных лет – осознание места России в мировой жизни. К поэзии В. Брюсова начала войны как нельзя лучше применимы слова Н. Бердяева, сказанные в то же время: «Война мира славянского и мира германского не есть только столкновение вооруженных сил на полях битвы, она глубже, это – духовная война, борьба за господство разного духа в мире, столкновение и переплетение восточного и западного христианского мира. В этой великой, поистине мировой брани Россия не может не осознать себя. Но самосознание ее должно быть и ее самоочищением. Самосознание предполагает критику и самообличение. Никогда бахвальство не было самосознанием, оно может быть лишь полным затмением» [6].

Мысли философа заметно перекликаются с размышлениями Брюсова-поэта о месте и роли России для Европы в его стихотворении «Старый вопрос», где поэт предостере-

гает от неумеренного восхваления великороссов. Вспоминая прошлое русского народа, В. Брюсов ставит вопрос не о его величии, а о его достоинстве. Это народ древнейшей культуры, это народ, говоря словами В. Брюсова, *чья речь и поныне поет / созвучно с напевом санскрита*; это народ – часовой, который нельзя уподобить дикой орде, стремящейся поработить Европу, наоборот, он спас Европу от орды; это народ, которому доступны культурные ценности, созданные другими народами и который в свою очередь, вносит свой вклад в мировую культуру:

*Иль мы – тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел
Как Пушкин, Толстой, Достоевский? (2; 154)*

На старый вопрос: «Кто мы в этой старой Европе?» В. Брюсов дает ответ: «не приобретатели, не разрушители, а защитники, собиратели и обогатители мировой культуры» [4, с. 178].

В то же время, поэзия В. Брюсова о Первой мировой войне замечательна не только тем, что в ней передано ощущение свидетеля грандиозных перемен в судьбах всего мира, начала принципиально новой эпохи: *«Пусть, пусть из огненной купели / преображенным выйдет мир!»*. И не столько тем, что Брюсов понимал многовековые причины европейской войны. На наш взгляд, лирика Брюсова замечательна не размышлениями, а *ощущениями поэта*. Вот стихотворение «Поле битвы», написанное через два месяца после начала Первой мировой:

*Залито поле, как золотом,
Щедрым посевом патронов.
Вдалеке, как гигантским молотом,
Расколоты гребни склонов.*

*На холмине ждет погребения,
Ниц повергнуто, тело солдата.
Слабый запах тления,
А в руке письмо зажато.*

*Рядом тела лошадиные:
Оскалены зубы, изогнуты шеи...
Ах, не труды ль муравьиные
Эти валы, окопы, траншеи?*

*Видел я: меж винтовок раздробленных
Лежит с дневником тетрадка;*

*Сколько тайных надежд, обособленных,
В нее вписывал кто-то украдкой!*

*Манерки, ранцы, зарядные
Ящички, крышки шрапнелей,
И повсюду воронки громадные
От снарядов, не достигших цели.*

*Брожу меж обломков, гадательно
Переживая былые моменты.
А вдали, взвод солдат, старательно,
Убирает пулеметные ленты [2, с. 150-151].*

В этих строках мы не слышим ни о титанах, ни о сфинксах, ни о тевтонах, но мы видим поле войны. В поэзии В. Брюсова оказалось недооцененным, на наш взгляд, именно такое поэтическое единство: Россия в огне всеевропейской войны и мальчишка-солдат с недописанным письмом.

В стихотворении «Опять – развесистые липы...» (1915) на первом плане – красота мирной и такой простой жизни, не замечаемая еще вчера, до войны:

*Опять – развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги вдоль дороги, скрыты,
Окно с затейливой резьбой;*

*Вдали – излука малой речки
И главы дальнего села;
А близко – девка на крыльчке
Статна, румяна, весела.*

*Нырнул, поднявши хвост, утенок,
А утка с важностью плывет.
Как изумителен, как тонок
Прозрачных тучек хоровод!*

*Здесь мир и век забыть возможно...
Но чу! порой сквозь шум лесов
Со станции гудит тревожно
Гул санитарных поездов [2, с. 154].*

Трудно представить, что эта картина – речка, девка, утенок – с таким любованием нарисованная, принадлежит перу виднейшего символиста. Война, как видим, заставила сменить оптику и палитру...

Далекая война напомнила о себе гулом санитарного поезда, и защемило сердце. Быть может, эта глубина потрясения войной, т. е. то, что сам В. Брюсов назовет «кругами от войны», и есть подлинное в поэзии о войне?

III

Поэзия Брюсова, постигавшая войну, неразрывно связана с его военными очерками, которые до сих пор не переизданы. В его корреспонденциях отразился тот же путь – от осмысления масштабности, передачи настроения первых дней войны к постижению ее бесчеловечности.

Брюсову-корреспонденту, как и Ф. Крюкову, В. Муйжелю, Я. Окуневу, Ф. Степуну, С. Федорченко, А. Толстому (очевидцы войны, авторы лучших публикаций о ней), пришлось столкнуться с тем, что же такое – правда войны, каков ее истинный облик. Его первые публикации – это поиск верного угла зрения, нужной интонации. И вместе с тем, в них объективно отразились определенные моменты в истории войны, ее начального периода.

Общий духовный подъем в обществе, эйфория переданы в самом первом очерке «Путь на Запад»: «...Десятки и сотни верст остаются за нами. И чем дальше мы едем, чем ближе оказываемся мы к таинственному «театру военных действий», тем спокойнее и радостнее становится на душе. Из мимолетных наблюдений, из случайных встреч и «вагонных» разговоров выносишь твердое убеждение, что то настроение бодрости и веры в себя, которое в Москве можно было объяснить ее сравнительной отдаленностью от совершающихся событий, есть настроение всей России. Видишь и слушаешь людей, случайно собравшихся в общем вагоне из самых отдаленных одна от одной губерний и из разных городов, – и ни одной ноты не проскальзывает в разговорах, которая нарушила бы всеобщую уверенность в нашем конечном успехе» [8].

Первое дыхание войны, перемены настроения замечены в очерке «В Вильне»: «Достаточно войти в церкви и костелы, чтобы увидеть, какими живыми нитями связана Вильна с войной. В темных углах костелов везде увидишь коленапреклоненных женщин, выронивших свой молитвенник, крепко стиснувших руки и побелевшими губами шепчущих молитвы – за мужа или сына, ушедших с армией. У дверей зданий, обращенных в военные госпитали, где водружены белые флаги с красным крестом, всегда стоит притихшая толпа, робко пробегающая глаза-

ми списки раненых, вывешенные на стене. Утренние и вечерние выпуски газет, русских и польских, несмотря на вынужденную скупость их содержания берутся нарасхват и достаточно прислушаться к разговорам хотя бы в тех же кафе Штраля, чтобы убедиться, что за каждым столиком, говорят о войне» [7].

Стремление начинающего корреспондента непременно увидеть *массовый героизм* заметно в очерке «Рассказы очевидцев», в котором В. Брюсов передал настроение «нескольких участников последних боев в Восточной Пруссии»: «Прежде всего можно сказать, что настроение всех – как раненых, так и тех, которые случайно должны были покинуть театр войны, – самое бодрое. Без всякого преувеличения приходится повторить стереотипную фразу: все «фвутся обратно». Дело войны, по-видимому, затягивает, увлекает, и тому, кто раз испытал это притяжение, уже трудно от него освободиться. «Хочется в свой полк, своих посмотреть, как-то они там с немцем управляются», – говорил простой солдат. «Знаете, теперь мне уже недостает тех ощущений, которые я переживал на поле битвы, – говорил человек, интеллигентный офицер, раненный (и весьма нелегко) при Марграбове (1 августа)» [7].

Уже на втором месяце войны В. Брюсов почувствовал, что там, в тылу, вдалеке от фронта, *быстро остывает интерес к войне* и как это опасно для воюющей страны: «Когда представляю себе немцев в тех самых городках, где был так недавно, – тихих польско-еврейских городках, – на тех самых дорогах, по которым только что проезжал, тенистых, обсаженных вязами дорогах, с распятиями на перекрестках – война перестает быть для меня чем-то отвлеченным, чем-то таким, о чем читают и пишут в газетах, но реальным, страшным делом. И пусть каждый представляет себе, что враг вошел именно в его город, обидел именно его близких, занял именно его комнату, – тогда таким же реальным, страшным делом станет война для каждого. И тогда он почерпнет в себе новые силы, может быть, уже ослабевающие, чтобы приносить новые жертвы ради ее скорейшего прекращения, что может быть достигнуто лишь одним: полным разгромом наших врагов» [7].

Перечитывая сейчас корреспонденции Брюсова, понимаешь, что в них – не война,

увиденная изнутри, прочувствованная, а, скорее всего, *околовоенное*, максимально приближенное к войне. Вот описание жизни только что отвоеванного польского городка Ярослава, побывавшего в недолгой оккупации:

«...жизнь явно уже начинала вливаться в этот завоеванный город. Его можно было сравнить с больным, очнувшимся от внезапного обморока и медленно обретающим вновь способность управлять своими членами. В разных местах кафе были открыты; в них девушки-служанки, державшие себя очень скромно, разносили по требованию тарелки с супом, шницель и бифштекс, кофе, лимонад. Торговали отдельные магазины: книжные и письменных принадлежностей, скобяные и белья, готового платья, мелочные лавочки, даже ювелиры и часовщики. Торговля везде шла бойко. Офицеры запасались бельем, покупали разные поизносившиеся у них части туалета, бумагу, чернила, одеколон; брали вещи «на память» об Ярославе или на подарок близким. Огромный спрос был на «открытки» с видами Ярослава, но они в первый же день были здесь распроданы...» [7].

С еще большей тщательностью передаются подробности собственно военные. Для примера – вид защитного сооружения около одного из польских городов:

«Каждый форт также обнесен кругом изгородью из колючей проволоки. За ней идет глубокий ров, в котором на кольях, поставленных в три ряда, натянута целая паутина той же колючей проволоки. За этим трудно-преодолимым препятствием высятся самые форты, насыпанные из земли со стальными блиндажами; верх вала весь обложен мешками с песком. В отдельных углублениях, сделанных в валу, со стальным потолком и соломенным полом, устроены приспособления для обзора окрестностей: стальное окошечко, задвигающееся стальной ставней. Для артиллерийских орудий приспособлены особые помещения, дающие возможность поворачивать дуло во все стороны и в то же время надежно защищающие артиллеристов. Для ружейной стрельбы имеются особые переносные оконца. Внутри форты разделены проходами, как бы улочками, на отдельные укрепления, одни выше, другие ниже. В каждом форте – свой колодец для воды, своя кухонка с кирпичной печью, свои магазины для скла-

да припасов, оружия и снарядов» [7]. Для историков литературы эти повествования Брюсова будут интересны восприятием обстановки символистом, который рядом с войной стал, пожалуй, самым реалистичным реалистом.

Объем статьи не позволяет всесторонне проанализировать всю военную хронику Брюсова (на сегодня насчитывается около 70 корреспонденций). Его публикации нуждаются во внимательном прочтении, в сопоставлении с очерками других репортеров. Сейчас же мы можем сказать, что они интересны не фактами и подробностями (в т. ч., конечно же, и самыми маленькими) той большой войны, т. е. не в историко-бытовом плане. В них, естественно, нет ощущений человека, убивавшего, стрелявшего, находившегося под артобстрелом или вражеским прицелом, совершавшего изнурительные переходы или гнившего в окопах. Военные неточности, а иногда чисто «репортерское» восприятие войны Брюсова вызывали справедливые нарекания в «Письмах» Ф. Степуна (философ и писатель, в годы войны был офицером-артиллеристом). А стремление Брюсова наделить свои описания мельчайшими деталями из военной реальности заставило усмехнуться Маяковского. Война действительно выглядит подчас несколько стерильной, бутафорской, особенно в первых публикациях. И Брюсов сам это понимал, стремясь допытаться у очевидцев подробности только что прошедшего боя, узнать о повадках немцев. Но «издержки» репортерского освещения войны не заслоняют достоинств военных корреспонденций Брюсова. В них ощутимо стремление автора понять, в чем отличие этой «войны механизмов» от предыдущих; что же такое настоящая храбрость («Бои под Ловичем»); описаны случаи неоправданной жестокости немцев на оккупированной территории и в то же время звучит признание боевых достоинств неприятеля. А брюсовский очерк «Гурдов» можно считать началом реабилитации русского офицера, буквально ошельмованного в предвоенной литературе.

* * *

Разнообразие брюсовских откликов на Русско-японскую и Первую мировую, обращение Брюсова к армянской поэзии во время геноцида 1915 г., а также его дневниковые записи и воспоминания дают представление о том, насколько многослойной является проблема «Брюсов и война». Ее исследование вносит дополнения и уточнения в такие понятия, как «литература о войне» и «литература военного времени». И при дальнейшем обращении к этой проблеме важно, чтобы социальные начала не заслоняли эстетические. В конечном счете, это проблема «поэт и война».

1. *Мясников А.С.* В.Я. Брюсов // Брюсов В.Я. Избранные сочинения. М., 1955. С. 13-15.
2. *Антокольский П.* Валерий Брюсов // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1973. Т. 1.
3. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1973. Т. 1.
4. *Брюсов В.* Среди стихов: 1894–1924. М., 1990.
5. *Дербенев Г.И.* Валерий Брюсов в начале Первой мировой войны // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973.
6. *Бердяев Н.А.* Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1918.
7. Русские ведомости. 1914. 19 авг.

1. *Mjasnikov A.S.* V.Ja. Brjusov // Brjusov V.Ja. Izbrannye sochinenija. M., 1955. S. 13-15.
2. *Antokol'skij P.* Valerij Brjusov // Brjusov V.Ja. Sbranie sochinenij: v 7 t. M., 1973. T. 1.
3. *Brjusov V.Ja.* Sbranie sochinenij: v 7 t. M., 1973. T. 1.
4. *Brjusov V.* Sredi stihov: 1894–1924. M., 1990.
5. *Derbenev G.I.* Valerij Brjusov v nachale Pervoj mirovoj vojny // Brjusovskie chtenija 1971 goda. Erevan, 1973.
6. *Berdjaev N.A.* Dusha Rossii // Berdjaev N.A. Sud'ba Rossii. M., 1918.
7. Russkie vedomosti. 1914. 19 avg.

Поступила в редакцию 14.05.2014 г.

UDC 811.111:801

V. BRUSOV AND WAR (CRITICISM, POETRY, JOURNALISM)

Anatoly Ivanovich IVANOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Journalism and Publishing Business Department, e-mail ivanov_ai@bk.ru

The object of the research is focused on V. Brusov's poetic responses on the Russian-Japanese war, and his critical reviews of the 1904–1905 war poetry. The peculiarities of the First World War perception in poems and military correspondences by V. Brusov are analyzed. Our research interest to V. Brusov as a literary critic, poet and military journalist can be explained by several reasons.

Firstly, V. Brusov's creative work gives grounds to treat the war not only as a concrete historical event, but also as a complex, multidimensional phenomenon in the spiritual life of the society. V. Brusov relied on the experience of his predecessors – the interpretation of war and characteristic of journalism is typical for F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy and V. Solovyov.

Secondly, V. Brusov's judgments about the war are not based on any single statement, poem or essay, but on his corpus of “military” works. This allows us to single out individual V. Brusov's vision, feeling of war. The attitude of a writer, a journalist towards the Russian-Japanese War and World War II in the history of Russian literature and journalism is often assessed only by how closely the defeat of the tsarist government was associated with the revolutions of 1905 and 1917. As for the aesthetic side, poetic images, V. Brusov's journalism language remained out of sight. Thus, his “military” creative work becomes a part of a large scope called “Artist and War”.

Thirdly, the research of the creative individuality in poetry, criticism, journalism by V. Brusov is devoted to two wars gives an opportunity to see general characteristic of citizenship in Russian artistic intellectuals in the early years of the 20th century. This is humanism, compassion, empathy to belligerent. This is general euphoria at the beginning of the War and the Extinction of interest in the context of failures. This is a desire to defeat the imperial government and hope for the renewal of Russia.

Key words: Russian-Japanese War; WWI; Brusov's war poetry and journalism; civil position of artist; war creative work ethics.